

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ¹

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 82.091:141.131

ББК 83.3(2=411.2)5: 87.3(0)321-221

Светлана Дмитриевна Титаренко

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

Владимир Соловьёв и Вячеслав Иванов: принципы философской герменевтики и традиция диалогов Платона²

Аннотация. Рассматривается проблема компаративного исследования принципов герменевтики в религиозно-философском и литературно-критическом дискурсе Владимира Соловьёва и Вячеслава Иванова. Традиции диалогов Платона у Иванова рассматриваются как способ интеллектуальной рефлексии и как «платонический поворот» в герменевтической интерпретации текста, который намечился в русской религиозной философии. Специальное сравнительное изучение этой проблемы не проводилось. Подчеркивается обусловленность интереса Иванова к диалогам Платона, которая возникла под влиянием различных источников, среди которых наибольшую роль сыграли сочинения Вл. Соловьёва и переводы сочинений Платона в России. Рассматриваются вступительные статьи Соловьёва, сделанные к его переводам диалогов Платона, а также его литературная и философская критика. Анализируются материалы из личного архива Иванова, которые свидетельствуют о его интересе к диалогам Платона «Тимей», «Федр» и др. Исследуются ивановские статьи, лекции, малоизученные материалы и книги «Дионис и прадионисийство» (1923 г.), «Достоевский: Трагедия-Миф-Мистика» (1932 г.). Для сравнительного анализа привлекаются сочинения А.Ф. Лосева по античной философии, а также его исследования о Соловьёве, работы Ф. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера и М. Хайдеггера. Диалектика и диалогизм Платона рассматриваются в качестве важнейшего источника развития принципов философской герменевтики у Соловьёва, Иванова и Лосева. Показывается, что миф у Соловьёва, Иванова и Лосева, как и у Платона, становится категорией мышления, способом религиозно-философского познания, формой художественного воплощения образа-символа, а также основой герменевтического диалектического понимания. Оценка философии Платона и платонизма в трудах Вл. Соловьёва и Иванова важна для изучения истории развития герменевтических идей в русской философии и литературоведении.

Ключевые слова: русская религиозная философия, диалоги Платона, платонизм, герменевтическая традиция, философская герменевтика Вяч. Иванова, литературно-философская критика В.С. Соловьёва, диалектика А.Ф. Лосева

¹ Публикуются статьи, написанные по материалам докладов, представленных 17–19 октября 2023 г. в рамках Международной научной конференции XVIII «Лосевские чтения» – «“Помните учителей и наставников ваших...”: К 130-летию А.Ф. Лосева».

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514. <https://rscf.ru/project/23-28-00514/> ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00514 <https://rscf.ru/project/23-28-00514/> Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) Russian Academy of Sciences

Svetlana Dmitriyevna Titarenko

Saint Petersburg State University, Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature, Russia, Saint Petersburg, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

Vladimir Solovyov and Vyacheslav Ivanov: Principles of Philosophical Hermeneutics and the Tradition of Plato's Dialogues

Abstract. The article is dedicated to the problem of comparative study of the hermeneutics principles in religious-philosophical and literary-critical discourse of Vladimir Solovyov and Vyacheslav Ivanov. It is shown that Plato's dialogue traditions in the works of Ivanov were intellectual reflections and expressed "Plato's turn" in hermeneutical tradition of text interpretation that outlined in Russian religious philosophy. Special comparative study of this problem had not been conducted. It is proved that Ivanov's interest to Plato's dialogues derived from various sources. Solovyov's works and translations of Plato's works in Russia played a major role in it. Solovyov was a translator and commentator of Socratic dialogues of the ancient Greek philosopher. His introductory chapters made for Plato's dialogue translations, his literary and philosophical criticism are considered in the article. Materials from Ivanov's personal archive are analyzed and they show that he was interested in Plato's dialogues "Timaeus", "Phaedrus" and others. His articles, lectures, under-investigated materials and the books "Dionysus and Pre-Dionysianism" (1923) and "Dostoevsky. Tragedy-Myth-Mysticism" (1932) are considered. A.F. Losev's works on ancient philosophy and his research on Solovyov and works of F. Schleiermache, H.G. Gadamer and became the object of the comparative analysis. It is shown that Plato's dialectics and dialogues became major source for development of philosophical hermeneutics principles for Solovyov, Ivanov and Losev. It is shown that a myth in Solovyov's, Ivanov's and Losev's works as well as in Plato's dialogues becomes a category of thinking, a way of religious-philosophical perception, a form of artistic representation of the image-symbol and a basis of hermeneutical dialectic understanding. Solovyov and Ivanov's view on Plato and Platonism is important for studying the development of hermeneutic ideas in Russian philosophy and literature studies.

Key words: Russian religious philosophy, Plato's dialogues and Platonism, hermeneutical tradition, Vyach. Ivanov's philosophical hermeneutics, V.S. Solovyov as Plato's translator, V.S. Solovyov's literary and philosophical criticism, A.F. Losev's dialectics

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.2.006-021

Рассмотрение герменевтики как метода истолкования текста является одним из приоритетных направлений в изучении религиозно-философского и литературно-критического дискурса теоретика русского символизма Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949). Напомним, что к этой проблеме обращались такие исследователи, как Р. Бёрд, М. Гидини, К.Г. Исупов, Л. Силард и др. Вместе с тем существуют дискуссионные темы, которые возникают при изучении традиций герменевтики Иванова. Исследователи указывают на связь его герменевтики с принципами философии Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, выделяя особо влияние Дильтея с его идеями «однородности субъекта-объекта» и поисками «метафизической основы бытия»³. Л. Силард, анализируя книгу Ива-

³ См.: Гидини К. Литературная критика и герменевтика в работах Иванова о Достоевском // Vyacheslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen

нова «Дионис и прадионисийство», настаивает на значимом влиянии учения А. Бёка, последователя Шлейермахера, отрицая влияние Дильтея или считая его скрытым. Среди других источников влияния она называет также итальянский гуманизм, немецкий романтизм и русский символизм, так как они связаны между собой интересом к тайному знанию (герметизму) и эзотерической метафизике⁴. В исследованиях Р. Бёрда подчеркивалась близость принципов герменевтики Иванова романтической философии искусства⁵. К.Г. Исупов, анализируя книгу Иванова о Достоевском, выделяет в ней присутствие таких традиций, как экзегетика Данте и философия Гете⁶.

Безусловно, теоретик русского символизма был хорошо знаком с этими и другими учениями. Он также учитывал стратегии филологической герменевтики в связи со знанием древних и новых языков, практиками этимологизации слова, которые он, будучи переводчиком Эсхила, понимал как истолкование⁷. В книге «Дионис и прадионисийство» Иванов пишет: «Общий метод филологии сводится к искусствам критики и герменевтики в применении к памятникам слова» [7, с. 351]. Здесь он намечает важнейшую связь принципов «низшей» (филологической) и «высшей» (философской) герменевтики как основание своей методологии. Если «низшая» – основа филологического анализа текста, как он пишет, то «высшая» «восходит по ступеням обобщения от эмендации и интерпретации текста к объяснению и оценке всего произведения, далее – всего автора, потом всего представляемого им направления и литературного рода, наконец – к характеристике духа эпохи и даже к философскому истолкованию» [7, с. 352–353].

Р. Бёрд полагает, что принципы герменевтики у Иванова как основа его «интерпретативной структуры» сложились в период символизма в его работах 1910-х гг. Ключевой для развития, по его мнению, является статья «Достоевский и роман-трагедия» (1911 г.), где большую роль играет закон катарсиса⁸. Но катарсис религиозного переживания Иванов понимал не столько в трактовке Аристотеля, упрекая его в акцентировании чисто психологического эф-

Vjačeslav Ivanov Symposiums, Heidelberg, 4-10 September 1989 / hg. W. Potthoff. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993. S. 192–196 [1].

⁴ См.: Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2002. С. 15–17 [2].

⁵ См.: Бёрд Р. Символизм Вячеслава Иванова: от романтики к герменевтике // Вячеслав Иванов и его время: материалы VII Междунар. симпозиума, Вена, 1998 г. / ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Fr. a. Main: Lang, 2002. С. 99–111 [3].

⁶ См.: Исупов К.Г. Герменевтика Вячеслава Иванова // Символизм и герменевтика. Т. 18 / ред. R. Mnich i R. Bobryk. Siedlce, 2012. С. 47–98 [4].

⁷ См.: Лаппо-Данилевский К.Ю. «Перевод-истолкование» в понимании Вяч. Иванова // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: материалы XI Междунар. Ивановской конф. «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». М.: Водолей, 2021. С. 348 [5]. См. также: Ермакова Л.Л. Библиейская лексика в переводах Вяч. Иванова из Эсхила // Там же. С. 367–375 [6].

⁸ См.: Bird R. Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories // Dostoevsky Studies. New Series, 2001. Vol. V. P. 134–139 [8].

фекта,⁹ сколько в понимании Платона, приводя многочисленные примеры из его диалогов и указывая в книге «Дионис и прадионисийство», что «чрез переживание катарсиса душа привыкает как бы “собираться” из всех частей человеческого состава в некое единство и в нем сосредоточиваться; она приобретает независимое бытие и сознание в себе самой...» [7, с. 281].

На роль Платона в развитии герменевтических идей в книгах Иванова 1920–1930-х гг. указывали Л. Силард и В. Террас¹⁰. Силард, рассматривая книгу Иванова «Дионис и прадионисийство», считает, что принципы «русской герменевтики» были сформулированы автором в двенадцатой главе, где платонизм утверждается как путь онтологизации символа¹¹. Онтологизация, а также выход к интерпретации текста через истолкование архаических форм ритуала, использование сюжетов «прамифа» – все это составляет ядро «зрелой» герменевтики Иванова. Нас интересует формирование герменевтического принципа восхождения к символическим структурам «первообразов» сознания в его статьях 1900-х гг., то есть механизм «интерпретативной структуры», обусловленный влиянием платоновско-соловьевского идеализма, так как интерес к Платону заметен и в философской герменевтике XX в., например у Х.-Г. Гадамера или М. Хайдеггера, для которых большое значение играли принципы диалогизма и диалектики Платона¹². Гадамер в книге «Истина и метод» пишет, что его задача – «обновить платонизм» за счет его метафизики, «объединить масштабы философской герменевтики с платоновской диалектикой, а не с гегелевской»¹³.

Источниками платонизма в русской мысли были, как известно, не только диалоги Платона, но и труды античных философов, христианских неоплатоников, Бл. Августина, святоотеческое наследие, немецкий идеализм, философия Шеллинга, а также философия «любомудров», сочинения славянофилов, мыслителей духовно-академического круга, русская религиозная философия, и прежде всего сочинения В.С. Соловьева¹⁴. Мы считаем, что принципы герменевтики начинают складываться у Иванова не только в статьях 1910-х гг. и книгах 1920–1930-х гг., как об этом пишет большинство исследователей, но значительно раньше – в 1900-е гг. под непосредственным влиянием философии Платона и религиозной философии Соловьева.

⁹См.: Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство / коммент. Г. Гусейнова // Символ: журнал христианской культуры. Париж; М., 2015. № 65. С. 285.

¹⁰ См.: Силард Л. Герметизм и герменевтика. С. 13–26; Terras V. The Metaphysics of the Novel-Tragedy: Dostoevsky // Russian-ness: Studies on a Nation's Identity, in Honor of Rufus Mathewson, 1918–1978. Michigan, 1990. P. 153–163 [9].

¹¹ См.: Силард Л. Герметизм и герменевтика. С. 15, 21.

¹² См.: Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 345–360 [10]; Гадамер Х.-Г. Диалектическая этика Платона. СПб.: С.-Пб. философ. об-во, 2000 [11].

¹³ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 622–623 [12].

¹⁴ См. об этом: Абрамов А.И. Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. С. 212–237 [13].

Его статья «Религиозное дело Владимира Соловьёва», опубликованная в сборнике «О Вл. Соловьёве. Сб. первый» (М.: Путь, 1911), посвященном памяти мыслителя, важна как итог его размышлений о своей близости платоновско-соловьёвскому идеализму, который он понимал как «внутреннюю форму» религиозно-философского мышления. В этой работе Иванов сравнивает сочинения Соловьёва с «Законами» Платона, «запечатлевшими усилия древнего мудреца примирить идеал с практически осуществимой действительностью»¹⁵. Теоретик русского символизма считал, что именно Соловьёв наметил в русской мысли новый способ познания внутренней религиозной истины как «постижение и действительное усвоение идеи положительного всеединства» через понимание частей, которые определяются «в отношении к целому»¹⁶. Путь постижения высшего смысла, который Иванов усматривает у Соловьёва, – это диалектическое раскрытие «мистической истины» субъектом, сознание которого пребывает «в неразрывном круге» истолкования сущего¹⁷.

Поскольку нас интересует формирование герменевтического принципа восхождения к символическим структурам «первообразов» как некая «интерпретативная» модель или абстрактно-символический первообраз постижения целого как сущего, как уже указывалось, мы нашли близкий этому аналог, который Р. Бёрд усматривает в том же диалоге «Законы» Платона, хотя в диалоге у Платона говорится об идеальном полисе, который постигается на основе понимания того, «что в каждом наброске (т.е. модели, парадигме)», как указывает Р. Берд, «нельзя опускать ничего из самого прекрасного и истинного»¹⁸. Он пишет: «Удивительно, что, принимая современный термин “модель”, сознательно или нет, Лосев возвращает его к платоновским истокам» [15, с. 166]. Сравнение полиса и модели герменевтического круга условно, но важно для постижения метафизического смысла восхождения к идеальному. В работе «О круге понимания» Гадамер пишет, что «содержательный же смысл круга целого и части, лежащего в основе любого понимания», необходимо дополнить предпосылкой, что «доступно понимания лишь действительно совершенное единство смысла»¹⁹. Идеальный полис Платона и есть метафизически постигаемая модель высшего единства. Ссылаясь на диалоги Платона «Теэтет» и «Парменид» в статье «Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба», Лосев указывал, что, по Платону, части сами по

¹⁵ См.: Иванов Вяч. Религиозное дело Владимира Соловьёва // Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 299 [14].

¹⁶ Там же. С. 300.

¹⁷ Там же. С. 303.

¹⁸ См.: Бёрд Р. Символизм после символизма / отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 166 [15]. Об истоках религиозной герменевтики у Вяч. Иванова и А.Ф. Лосева см.: Бёрд Р.А. Ф. Лосев и В.И. Иванов: корни религиозной герменевтики // Образ мира – структура и целое. Лосевские чтения. М.: Логос, 1999. С. 225–233 [16].

¹⁹ См.: Гадамер Х.-Г. О круге понимания // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного: пер. с нем. М.: Искусство, 1991. С. 78 [17].

себе не смогут образовать «целостности данной вещи в подлинном смысле слова», но необходимо «смотреть на то новое качество, которое возникает в результате соединения частей и которое делается понятным только в результате применения закона единства и борьбы противоположностей»²⁰.

Религиозная истина как «внутренняя форма» постижения смысла была для Соловьева-философа основанием понимания целостности и единства, на что и указывает Иванов в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева». Понимание истины, как он пишет, сродни теургии Соловьева, так как нужно путем восхождения постичь сущность явления и истолковать его как преображенную реальность сознания.

Соловьев был переводчиком, комментатором и интерпретатором «сократических» диалогов древнегреческого философа. Первый том «Творений Платона» вышел с его переводами и комментариями в 1899 г., второй – после его смерти, благодаря М.С. Соловьеву и С.Н. Грубецкому. При переиздании «Творений Платона» на русском языке акцентировалась мысль, что «поэтически настроенною душою Соловьев был конгениален Платону»²¹. Об этом писал и А.Ф. Лосев в книге «Владимир Соловьев и его время», доказывая, что «Соловьев высоко ставит платоновское идеальное умозрение»²². На импульс Соловьева как явление «русской герменевтической традиции» указывает и Н.К. Бонецкая в статье «Предтечи русской герменевтики». Русская герменевтика, как она считает, – это «провозвещница религии будущего»²³.

Анализ платоновского метатекста в книге Иванова «По звездам» (1909 г.), в которую вошли статьи и эссе 1900-х гг., говорит о том, что герменевтические принципы, отсылающие к диалогам Платона, начинают складываться у него именно в этот период и некоторые из них близки установкам Соловьева. Иванов неоднократно ссылается на диалоги Платона «Пир», «Федр», «Тимей», «Государство», «Ион», «Менон». На платонизме основана его теория реалистического символизма. В статье «Две стихии в современном символизме» (1908 г.) он писал: «Поскольку однако, идеи Платона, в истолковании позднейших мыслителей обращаются в “понятия” (Begriffe) в формально-логическом или гносеологическом смысле, постольку эстетика начинает видеть в нем поборника идеалистического искусства, свободного творчества, избавившего себя от счетов с данными как наблюдаемой, так и прозреваемой действительности, от долга верности вещам, познаваемым опытом, равно внешним или внутренним» [22, с. 170–171].

²⁰ См.: Лосев А.Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. С. 11 [18].

²¹ См.: Жебелев С., Радлов Э.С. Предисловие // Творения Платона. Т. 1. Петербург: АCADEMIA, 1923. С. 4 [19].

²² См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 165 [20].

²³ См.: Бонецкая Н.К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 91–92 [21].

Можно предположить, что немаловажным источником для понимания идей Платона в это время могли быть философские сочинения Соловьева и его переводы текстов древнегреческого мыслителя, опубликованные в книге «Творения Платона». Большой интерес представляют вступительные и пояснительные статьи Соловьева к его переводам. Приведем лишь некоторые его высказывания, важные для нашего анализа. Размышляя в «Предисловии» о принципах переводов Платона, Соловьев пишет, что «нужно ставить себе вопрос, как данный автор – скажем Платон – с особенностями своего духа, характера, стиля, образа мыслей ... , как выразил бы он <...> эту свою мысль с этими ее оттенками?» [23, с. XI]. На Шлейермахера, переводчика Платона и автора трактата «Герменевтика» (1838 г.)²⁴, Соловьев ссылается во вступительной статье, указывая на высокий уровень его переводов античного мыслителя и на его мнение о том, что «между диалогами Платона есть внутренняя связь»²⁵. Он отмечает дуализм мышления Платона и значимость его метафизического учения «об умственном созерцании», которое основано на диалектике «истинно-сущего» и «являющегося»²⁶. Подлинные формы вещей постигаются припоминанием, как пишет он, анализируя тексты диалогов, то есть анамнесис «и есть наше настоящее знание»²⁷, поэтому важен путь восхождения к «истинно-сущему». Способность умственного восхождения и интеллектуального созерцания, как считает Соловьев, способствует духовному становлению личности.

В эссе «Древний ужас» (1909), как бы вторя Соловьеву, Иванов намечает принципы восхождения к «бытию завершенному», опираясь на учение Платона. Он пишет:

«Но есть, говорит Платон, и Память Предвечная (ἀνάμνησις): воспоминание души о довременном созерцании божественных Идей. Она – источник всякого личного творчества, гениального прозрения и пророчесственного почина. Ибо творчество совершается в Духе, Он же возвеститель о бытии завершенном, когда окончилось становление и произнесено: “Совершилось”. <...> И пророческие дары Духа – упреждение бытия последнего – раскрываются памятью о бытии первом» [26, с. 255].

Теория анамнесиса изложена Платоном в некоторых диалогах, прежде всего таких, как «Федон» (72e–77a) и «Федр» (249c–251b). Можно предположить, что это истолкование мысли Платона близко идее герменевтического круга понимания. В книге «Герменевтика» Шлейермахер, разрабатывая прин-

²⁴ См.: Шлейермахер Ф. Герменевтика: пер. с нем. / ред. Н.О. Гучинская. СПб.: Европейский дом, 2004 [24].

²⁵ См.: Соловьев В.С. Жизнь и произведения Платона // Творения Платона / пер. с греч. В. Соловьева. Т. I. М., 1899. С. 5, 17 [25].

²⁶ Там же. С. 21.

²⁷ Там же. С. 22.

ципы герменевтического круга, писал: «Совершенное знание всегда движется по этому мнимому кругу, в котором всякая часть может быть понята только из всеобщего, частью которого она является и наоборот» [24, с. 65]. Герменевтика Шлейермахера претендует на статус высшего знания, и объектом постижения у него является прежде всего духовный смысл, как и у Платона. И это было важно и для Соловьева, ссылавшегося на его труды, и для Иванова.

Соловьев намечил принципы герменевтического истолкования в ряде своих литературно-критических и философских работ, и прежде всего в «Трех речах в память Достоевского», на что указывала Н.К. Бонецкая. Она пишет в статье «Предтечи русской герменевтики», что «методология “Трех речей в память Достоевского” (1881–1883 гг.) Соловьёва в ряде своих важных особенностей весьма напоминает подход русской герменевтики» [21, с. 91]. Соловьев осмысливает пророческую традицию древности и начинает свою «Первую речь» со слов, что «в первобытные времена человечества поэты были пророками и жрецами, религиозная идея владела поэзией, искусство служило богам»²⁸. Эти слова отсылают к мысли Платона, который в диалоге «Кратил» писал, что Гермес – «толкователь воли богов – герменевт (hermēneus) и вестник» (Кратил, 408a)²⁹, а поиск истины – «устанавливать родство между словами и изучать одно через другое, а также через самое себя» (Кратил, 438e)³⁰.

Иванов многократно повторяет мысль о вдохновенном пророчествовании как искусстве толкования у оракулов, поэтов, например, в статьях «Ницше и Дионис», «Поэт и чернь» и др. Философия Платона могла быть для него значима как образец поиска истины и способов ее интерпретации, как модель философско-поэтического мышления, которая определяется системой ценностно значимых мифов и символических образов-иносказаний. Он писал в статье «Две стихии в современном символизме» (1908 г.): «Идеалистическое приятие философии Платона, население мира не реальными богами, но призрачными проекциями человеческих сил в бесконечном, и выселение из мира реальностей божественных – все это в душе, влюбленной в красоту, признавшей за высшее среди духовных стремлений – эстетизм, должно было и искусство сделать идеалистическим, преобразующим действительность в отражении, а не отражающим действительность в ее реальном преображении» [22, с. 172–173].

Герменевтическое мышление, основанное на диалектике части и целого («круговорота понимания»), является аналогом той модели, которую Платон изложил в диалоге «Тимей». У Платона цикличность философски осмыслена как стремление к «возрастанию». Он пишет, «что причина, по которой бог избрал и даровал нам зрение, именно эта: чтобы мы, наблюдая круговращения

²⁸ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. А.В. Гулыги и А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. С. 292 [27].

²⁹ См.: Платон. Кратил // Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 1 / пер. с др.-греч.; под ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1968. С. 487 [28].

³⁰ Там же. С. 488.

ума в небе, извлекли пользу для круговращения нашего мышления, которое сродни тем, небесным [круговоротам]] («Тимей», 47 b-d) [29, с. 488]. Этот фрагмент, переписанный Ивановым на древнегреческом языке, сохранился в его рукописном наследии³¹, он может быть доказательством его интереса к идее кругового мышления человека, близкой теории герменевтического круга. Выход на онтологический уровень, который определяется спецификой «кругообразного», а не формально-логического, мышления оперирование платоновским понятием «анамнесис», а также «эйдос» как «отпечаток» «всех вечно существующих вещей» («Тимей», 51 b)³² – все это сближает герменевтику Иванова с традициями диалогов древнегреческого философа и их трактовкой у Соловьёва.

Один из важнейших приемов диалектики и диалогизма Платона – постижение сознания собеседника как другого «я». Гадамер в работе «О круге понимания» писал: «Платон видел в диалоге принцип истины: слово подтверждается и оправдывается лишь тогда, когда другой человек воспринимает его, выражая свое согласие с ним; лишена обязательности последовательная мысль, если в движении ее не сопровождает мысль другого» [17, с. 86]. Идея «проникновения» у Иванова – результат синтеза идей платонизма и христианского неоплатонизма, близкого Соловьёву, который в статье «Смысл любви» (1892–1894 гг.) писал о непроницаемости субъекта-объекта, считая, что «если корень ложного существования состоит в непроницаемости, т. е. во взаимном исключении существ друг другом, то истинная жизнь есть то, чтобы жить в другом, как в себе...» [31, с. 544].

Кроме конспекта фрагмента диалога Платона «Тимей» на древнегреческом языке в личном архиве Иванова имеется печатное издание перевода диалога Платона «Федр» с греческого языка, сделанного В.Н. Карповым. Это издание содержит недатированные записи на полях и многочисленные пометы Иванова³³. Корпус основных помет Иванова уже был рассмотрен нами ранее³⁴. Нас интересуют некоторые важные принципы герменевтического анализа, которые здесь можно выделить, учитывая, что именно в этом переводе Карпова и его комментариях, как указывают исследователи, содержались принципы «школы» герменевтики, важной для отечественной философской и филологической мысли³⁵.

Показательно, что Соловьёв в предисловии к выполненным им переводам диалогов Платона отметил, что «Федр» и «Пир» обозначают «внутренний

³¹ См.: Иванов Вяч. Выписка из «Тимея» Платона // РО ИРЛИ. Ф. 607. № 128. Л. 1 [30].

³² См.: Платон. Тимей // Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3, ч. 1 / пер. с др.-греч.; под ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. С. 492.

³³ См.: Платон. Федр (с пометами Вяч. Иванова) // РО ИРЛИ. Ф. 607. № 236. 116 с. [32].

³⁴ См.: Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский и А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 402–413 [33].

³⁵ См.: Светлов Р.В. Происхождение герменевтики и русские переводы Платона в XIX в. // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 23–27 [34].

перелом в духовной жизни Платона» и «представляют полный расцвет платоновского творчества»³⁶. В диалоге «Федр» важна позиция всезнающего вожаго, поэтому мифопоэтический образ «колесницы души» играет большое значение для символического обозначения герменевтического процесса «предпони- мания». В издании диалога Платона можно найти случаи отчеркивания строк на полях и подчеркивания текста, указывающие на интерес Иванова именно к этому фрагменту (Федр 246a-247de)³⁷. Этот интерес находит отражение также в опубликованном исследователями недатированном черновом автографе из личного архива Иванова, где говорится:

«Не прекрасно ли, последовав древнему и достохвальному обычаю, освящен- ному Платоном, начать речь с мифа, – если есть вожатый миф? <...> Но чтобы положиться на вожатого речи, потребно увериться, что перед нами [он] воистину миф, т.е. озаменовательный сказ о сверхчувственной правде. <...> Пусть же расскажет поэт свой загадочный сон (миф) и потом уступит место гадателю» [35, с. 7–8].

Платон понимал миф как «полулегендарное предание», «воспроизведе- ние душевного состояния», «некое священное слово, точно бы возвещенное оракулом», как отмечает А.А. Тахо-Годи³⁸. Статус мифа как основы христиан- ского религиозного миропонимания утверждался в русской философии, начи- ная с Соловьева. Изучение мифологизма в литературе, как писал Лосев в за- метках «О мифологии в литературе», – важнейшая задача постижения особой природы художественности произведения и творчества писателя³⁹, и она дости- гается через всеохватывающее мировоззрение. Эта же проблема рассмат- ривается им в книге «Диалектика мифа»⁴⁰.

Диалектика мифа как «вожаго» сознания на пути к интерпретации ста- новится для Иванова основанием философской герменевтики. Свидетельством этого являются его малоизвестные и неопубликованные лекции по поэтике, прочитанные в 1921–1922 г. в Бакинском университете, лекции о Достоев- ском, прочитанные им там же в 1921 году, а также его книга «Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика» (1932 г.).

В лекциях по поэтике Иванов затрагивает проблемы платоновского уче- ния о вдохновении, его интересует миф о поэте-провидце и пророке. Он указы-

³⁶ См.: Соловьев В.С. Предисловие // Творения Платона Т. I. С. IX.

³⁷ См.: Платон. Федр (с пометами Вяч. Иванова). С. 52–55 [32].

³⁸ См.: Тахо-Годи А.А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. С. 58 [36].

³⁹ См.: Лосев А.Ф. О мифологии в литературе / подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Во- долей, 2013. С. 564–570 [37].

⁴⁰ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное) / сост., подгот. текста, вступ. ст. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого, коммент. В.П. Троицкого. М.: Изд. дом ЯСК, 2021 [38].

вает, что «суждения синтетические» восходят к мифу, а не логосу и вызывают «аффект удивления»⁴¹. В лекциях о Достоевском, по сравнению со статьями 1910-х гг., усиливается акцентирование платонизма как учения о понимании. Например, в лекции от 18 апреля указывается, что «мирочувствование» у Достоевского основано на бессознательной близости трактовки высшей реальности у Платона. Анализ романа «Идиот» проводится на основе мифообразов древнегреческого философа. По словам Иванова, мифология Платона становится «исповедью платонизма» у Достоевского, а принципом прозрения его героев является анамнесис⁴². Понятия Платона и систему его мифопоэтических образов Иванов истолковывает на основе христианского учения. Этот опыт религиозно-философского синтеза был важен для Иванова на пути к его философской герменевтике. В книге о Достоевском он обращается к диалогическому принципу Платона, делает инструментом познания его диалектику и теорию образов-эйдосов.

На основе теории платоновского анамнесиса и категорий «восхождение-нисхождение» Иванов создает аналог модели герменевтического круга как способа метафизического мышления и интерпретации текста. Некоторые мифы Платона о душе, красоте, пещере, Эросе и другие он использует как формы иносказания. Также для него ценностно значим миф Платона о душе, согласно которому душа мудрого человека пребывает в мире идей. Герменевтика Иванова основана на религиозно-философской мистической традиции, наследующей идеализм Платона, так как ее задача – показать связь видимого мира (реального) и невидимого (реальнейшего) через нахождение первообраза, или идеи (эйдоса), вещи. Важнейшей формой и языком истолкования становится у него миф и теория анамнесиса как восхождение к «истинно-сущему», говоря словами Соловьева. Миф у Соловьева, Вяч. Иванова и Лосева, как и у Платона, – это категория мышления, способ религиозно-философского познания, а также основа герменевтического диалектического понимания. Диалектика Платона, согласно суждению Гадамера в книге «Истина и метод», «внутри происходящего диалога нередко принимала явно герменевтический характер»⁴³.

Таким образом, герменевтика в понимании Иванова – это путь религиозно-философского истолкования скрытого смысла, она предвосхищает некоторые открытия этой науки в XX веке в связи с осуществленной теоретиком сим-

⁴¹ См.: Иванов Вяч. Лекции по поэтике. 1921–1922 (в записях студента О.Г. Тер-Григоряна). 35 с. Личный архив. К.Ю. Лаппо-Данилевского [39]. (Лекции готовятся к публикации.)

⁴² См.: Иванов Вяч. Лекции о Достоевском, прочитанные В. Ивановым в Бакинском университете, в записях Л.В. Ивановой. 1921 г. // Иванов В.И. Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим. Вяч. Иванова, М.Ю. Кореновой; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко и др. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. С. 176–177 [40].

⁴³ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 611.

волизма конвергенцией языков философской и филологической герменевтики на основе традиций диалогов Платона в контексте идей философии Соловьева и русской религиозной философии в целом.

Список литературы

1. Гидини К. Литературная критика и герменевтика в работах Иванова о Достоевском // Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kul-turphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav Ivanov Symposiums, Heidelberg, 4–10 September 1989 / Hg. W. Potthoff. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993. S. 190–203.
2. Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.
3. Бёрд Р. Символизм Вячеслава Иванова: от романтики к герменевтике // Вячеслав Иванов и его время: материалы VII Междунар. симпозиума, Вена 1998 / ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Fr. a. Main: Lang, 2002. С. 99–111.
4. Исупов К.Г. Герменевтика Вячеслава Иванова // Символизм и герменевтика. Т. 18 / red. R. Mnich i R. Bobryk. Siedlce, 2012. С. 47–98.
5. Лаппо-Данилевский К.Ю. «Перевод-истолкование» в понимании Вяч. Иванова // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: материалы XI Междунар. Ивановской конф. «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». М.: Водолей, 2021. С. 346–366.
6. Ермакова Л.Л. Библиейская лексика в переводах Вяч. Иванова из Эсхила // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Междунар. Ивановской конф. «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». М.: Водолей, 2021. С. 367–375.
7. Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство / коммент. Г. Гусейнова // Символ: журнал христианской культуры. Париж; М., 2015. № 65. С. 9–429.
8. Bird R. Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories // Dostoevsky Studies, New Series. 2001. Vol. V. P. 129–146.
9. Terras V. The Metaphysics of the Novel-Tragedy: Dostoevsky // Russian-ness: Studies on a Nation's Identity: in Honor of Rufus Mathewson, 1918–1978. Michigan, 1990. P. 153–163.
10. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие: пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 345–360.
11. Гадамер Х.-Г. Диалектическая этика Платона: пер. с нем. СПб.: С.-Петербург. философ. об-во, 2000. 252 с.
12. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
13. Абрамов А.И. Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. С. 212–237.
14. Иванов Вяч. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 296–306.
15. Бёрд Р. Символизм после символизма / отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2022. 320 с.
16. Бёрд Р.А. Ф. Лосев и В.И. Иванов: корни религиозной герменевтики // Образ мира – структура и целое. Лосевские чтения. М.: Логос, 1999. С. 225–233.
17. Гадамер Х.-Г. О круге понимания // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного: пер. с нем. М.: Искусство, 1991. С. 72–82.
18. Лосев А.Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. С. 9–57.
19. Жебелев С., Радлов Э.С. Предисловие // Творения Платона. Т. 1. Петербург: ACADEMIA, 1923. С. 1–9.
20. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.

21. Бонецкая Н.К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90–98.
22. Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические: статьи и афоризмы. Кн. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. С. 166–191.
23. Соловьев В.С. Предисловие // Творения Платона Т. I. / пер. с греч. В. Соловьева. М., 1899. С. V–XII.
24. Шлейермахер Ф. Герменевтика: пер. с нем. / ред. Н.О. Гучинская. СПб.: Европейский дом, 2004. 242 с.
25. Соловьев В.С. Жизнь и произведения Платона (предварительный очерк) // Творения Платона. Т. I / пер. с греч. В. Соловьева. М., 1899. С. 1–30.
26. Иванов В.И. Древний ужас // Иванов Вяч. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические: Статьи и афоризмы. Кн. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. С. 255–273.
27. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. А.В. Гулыги и А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. С. 289–323.
28. Платон. Кратил // Платон. Соч.: в 3 т. Т. 1 / пер. с др.-греч.; под ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1968. С. 413–491.
29. Платон. Тимей // Платон. Соч.: в 3 т. Т. 3, ч. 1 / пер. с др.-греч.; под ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. С. 455–541.
30. Иванов Вяч. Выписка из «Тимея» Платона // РО ИРЛИ. Ф. 607. № 128.
31. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. А.В. Гулыги и А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. С. 493–547.
32. Платон. Федр (с пометами Вяч. Иванова) // РО ИРЛИ. Ф. 607. № 236. 116 с.
33. Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский и А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 402–413.
34. Светлов Р.В. Происхождение герменевтики и русские переводы Платона XIX в. // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 23–27.
35. Иванов Вяч. Авторское истолкование стихотворения «На суде пред божием престолом» / публ. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 7–8.
36. Тахо-Годи А.А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. С. 58–82.
37. Лосев А.Ф. О мифологии в литературе / подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2013. С. 564–570.
38. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное) / сост., подгот. текста, вступ. ст. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; коммент. В.П. Троицкого. М.: Изд. дом ЯСК, 2021. 696 с.
39. Иванов Вяч. Лекции по поэтике. 1921–1922 (в записях студента О.Г. Тер-Григоряна). 35 с. Личный архив К.Ю. Лаппо-Данилевского.
40. Иванов Вяч. Лекции о Достоевском, прочитанные В. Ивановым в Бакинском университете, в записях Л.В. Ивановой. 1921 г. // Иванов В.И. Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим. Вяч. Иванова, М.Ю. Кореновой; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко и др. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. С. 169–178.

References

(Sources)

Collected Works

1. Ivanov, V.I. Religioznoe delo Vladimira Solov'eva [The Religious Case of Vladimir Solovyov], in Ivanov, Vyach. I. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Bryussel': Foyer Oriental Chretien, 1979, pp. 296–306.
2. Ivanov, V.I. Dve stikhii v sovremennom simbolizme [Two Elements in the Modern Symbolism], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy. Po zvezdam. Kn. 1* [Complete Works. By the Stars. Book 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2018, pp. 166–191.
3. Ivanov, V.I. Drevniy uzhas [An Ancient Horror], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy. Po zvezdam. Kn. 1* [Complete Works. By the Stars. Book 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2018, pp. 255–273.
4. Platon. Kratil [Cratylus], in Platon. *Sochineniya v 3 t., t. 1* [Works in 3 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1968, pp. 413–491.
5. Platon. Timey [Timaeus], in Platon. *Sochineniya v 3 t., t. 3, ch. 1* [Works in 3 vols., vol. 3, part 1]. Moscow: Mysl', 1971, pp. 455–541.
6. Solov'ev, V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three Speeches in Memory of Dostoevsky], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 289–323.
7. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 493–547.

Individual works

8. Gadamer, Kh.-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
9. Gadamer, Kh.-G. O krughe ponimaniya [About the Circle of Understanding], in Gadamer, Kh.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of Beauty]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 72–82.
10. Gadamer, Kh.-G. *Dialekticheskaya etika Platona* [Plato's Dialectical Ethics]. Saint-Petersburg: S.-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000. 252 p.
11. Ivanov, Vyach. Vypiska iz «Timeya» Platona [Extract from Plato's "Timaeus"], in *Manuscripts Dept. of Institute of Russian Literature*. F. 607. No. 128. 1 p.
12. Ivanov, Vyach. Lektsii po poetike. 1921–1922 (v zapisyakh studenta O.G. Ter-Grigoryana) [Lectures on Poetics. 1921–1922 (in the Notes of the student O.G. Ter-Grigoryan)], in *Lichnyy arkhiv K.Yu. Lappo-Danilevskogo*. 35 p.
13. Ivanov, Vyach. Avtorskoe istolkovanie stikhotvoreniya «Na sude pred bozhiem prestolom» [The Author's Interpretation of the Poem "At the Judgment in front of God's Throne"], in *Vyacheslav Ivanov. Arkhivnye materialy i issledovaniya* [Vyacheslav Ivanov. Archival Materials and Research]. Moscow: Russkie slovari, 1999, pp. 7–8.
14. Ivanov, Vyach. Dionis i pradiionisiystvo [Dionysus and Pradiionisiystvo], in *Simvol: zhurnal khristianskoy kul'tury*. Paris; Moscow, 2015, no. 65, pp. 9–429.
15. Ivanov, Vyach. Lektsii o Dostoevskom, pročitannye V. Ivanovym v Bakinskom universite, v zapisyakh L.V. Ivanovoy. 1921 g. [Lectures on Dostoevsky by V. Ivanov at Bak University, in the Notes of L.V. Ivanova. 1921], in Ivanov, V.I. *Dostoevskiy: Tragediya – Mif – Mistika* [Dostoevsky: Tragedy – Myth – Mysticism]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2021, pp. 169–178.
16. Khaydegger, M. Uchenie Platona ob istine [Plato's Doctrine of Truth], in Khaydegger, M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow: Respublika, 1993, pp. 345–360.

17. Losev, A.F. O mifologii v literature [About Mythology in Literature], in *F.M. Dostoevskiy i kul'tura Serebryanogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [F.M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age: Traditions, Interpretations, Transformations]. Moscow: Vodoley, 2013, pp. 564–570.
18. Losev, A.F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» (novoje akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe)* [The Dialectic of Myth. Supplement to the “Dialectics of Myth” (New Academic Edition, Revised and Expanded)]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK, 2021. 696 p.
19. Platon. Fedr (s pometami Vyach. Ivanova), in *Manuscripts Dept. of Institute of Russian Literature*. F. 607. No. 236. 116 p.
20. Shleyermakher, F. *Germenevtika* [Hermeneutics]. Saint-Petersburg: Evropeyskiy dom, 2004. 242 p.
21. Solov'ev, V.S. Predislovie [Introduction], in *Tvoreniya Platona. T. I* [Plato's Works. Vol. I]. Moscow, 1899, pp. V–XII.
22. Solov'ev, V.S. Zhizn' i proizvedeniya Platona (predvaritel'nyy ocherk) [Life and Work of Plato (Preliminary Essay)], in *Tvoreniya Platona. T. I* [Plato's Works. Vol. I]. Moscow, 1899, pp. 1–30.
23. Zhebelev, S., Radlov, E.S. Predislovie [Introduction], in *Tvoreniya Platona. T. I* [Plato's Works. Vol. I]. Petersburg: ACADEMIA, 1923, pp. 1–9.

(Articles from Scientific Journals)

24. Bird, R. Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories, in *Dostoevsky Studies, New Series*, 2001, vol. V, pp. 129–146.
25. Bonetskaya, N.K. Predtechi russkoy germenevtiki [Forerunners of Russian Hermeneutics], in *Voprosy filosofii*, 2014, no. 4, pp. 90–98.
26. Svetlov, R.V. Proiskhozhdenie germenevtiki i russkie perevody Platona XIX v. [The Origin of Hermeneutics and Russian Translations of Plato in the 19th Century], in *Voprosy filosofii*, 2019, no. 9, pp. 23–27.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

27. Abramov, A.I. Otsenka filosofii Platona v russkoy idealisticheskoy filosofii [Evaluation of Plato's Philosophy in Russian Idealistic Philosophy], in *Platon i ego epokha* [Plato and his Epoch]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 212–237.
28. Berd, R. A.F. Losev i V.I. Ivanov: korni religioznoy germenevtiki [A.F. Losev and V.I. Ivanov: Roots of Religious Hermeneutics], in *Obraz mira – struktura i tseloe. Losevskie chteniya*. [The Image of the World – Structure and Whole. Losev Readings]. Moscow: Logos, 1999, pp. 225–233.
29. Berd, R. Simvolizm Vyacheslava Ivanova: ot romantiki k germenevtike [Vyacheslav Ivanov's Symbolism: from Romance to Hermeneutics], in *Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma «Vyacheslav Ivanov i ego vremya», Vena, 1998* [Materials of the VII International Symposium “Vyacheslav Ivanov and his Time”, Vienna, 1998]. Fr. a. Main: Lang, 2002, pp. 99–111.
30. Ermakova, L.L. Bibleyskaya leksika v perevodakh Vyach. Ivanova iz Eshhila [The Biblical Vocabulary in the Translations of Vyach. Ivanov from Aeschylus], in *Materialy XI Mezhdunarodnoy Ivanovskoy konferentsii «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism»: Zagadka modernizma: Vyacheslav Ivanov* [Materials of the XI International Ivanov's Conference «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism»: The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov]. Moscow: Vodoley, 2021, pp. 367–375.
31. Gidini, K. Literaturnaya kritika i germenevtika v rabotakh Ivanova o Dostoevskom [Literature Criticism and Hermeneutics in Ivanov's Works on Dostoevsky], in *Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav Ivanov Symposiums, Heidelberg, 4–10 September 1989*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993, pp. 190–203.

32. Isupov, K.G. *Germenevtika Vyacheslava Ivanova* [Vyacheslav Ivanov's Hermeneutics], in *Simvolizm i germenevtika. T. 18* [Symbolism and Hermeneutics. Vol. 18]. Siedlce, 2012, pp. 47–98.
33. Lappo-Danilevskiy, K.Yu. «Perevod-istolkovanie» v ponimanii Vyach. Ivanova [“Translation-Interpretation” in the Understanding of Vyach. Ivanov], in *Materialy XI Mezhdunarodnoy Ivanovskoy konferentsii «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism»: Zagadka modernizma: Vyacheslav Ivanov* [Materials of the XI International Ivanov's Conference “Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism”: The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov]. Moscow: Vodoley, 2021, pp. 346–366.
34. Losev, A.F. *Platonovskiy ob"ektivnyy idealizm i ego tragicheskaya sud'ba* [Platonic Objective Idealism and Its Tragic Fate], in *Platon i ego epokha* [Plato and his Epoch]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 9–57.
35. Takho-Godi, A.A. *Mif u Platona kak deystvitel'noe i voobrazaemoe* [Plato's Myth as Real and Imaginary], in *Platon i ego epokha* [Plato and his Epoch]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 58–82.
36. Terras, V. *The Metaphysics of the Novel-Tragedy: Dostoevsky*, in *Russian-ness: Studies on a Nation's Identity, in Honor of Rufus Mathewson, 1918–1978*. Michigan, 1990, pp. 153–163.
37. Titarenko, S.D. *K istolkovaniyu zametok Vyacheslava Ivanova na polyakh dialoga Platona «Fedr»* [To the Interpretation of Notes by Vyacheslav Ivanov in the Margins of Plato's Dialogue “Phaedrus”], in *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy. Vyp. 1* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials. Issue 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2010, pp. 402–413.

(Monographs)

38. Berd, R. *Simvolizm posle simvolizma* [Symbolism after Symbolism]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 320 p.
39. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his Time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 617 p.
40. Silard, L. *Germetizm i germenevtika* [Hermetism and Hermeneutics]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2002. 328 p.